

ВОСПОМИНАНИЯ¹

В мои студенческие годы каждое лето я отправлялась в диалектологические экспедиции, которыми руководил Борис Александрович Ларин. Мне посчастливилось быть в составе группы Печорской экспедиции в Пустозерск (с посещением могилы протоппа Аввакума). Руководителем моей дипломной работы был Б. А., первую научную публикацию я подготовила по его благословиению, а по окончании университета, работая в группе Словаря русских народных говоров Института языкознания РАН сначала научно-техническим сотрудником, а много лет спустя научным сотрудником, продолжала по возможности посещать Межкафедральный словарный кабинет. На моих глазах разрастались огромные словарные картотеки МСК, словарная страда продолжалась и длится до сего дня, и даже в девяностые годы, когда оскудела материальная поддержка государства, ларинцы не остановили свою подвижническую работу, выстояли, а теперь уже существует ларинская лексикографическая школа!

Теперь Пустозерск не значитяся как поселок, селение или какой-либо еще населенный пункт, а тогда, в 1951 году, наша небольшая группа из пяти человек прошла километров 30 — от пристани Оксина до поселка по лесной дороге, сопровождаемая жужжанием, писком и укусами воинственных комаров. Шли бодро, спеша увидеть знаменитое селение, где в 1682 году по указу царя Федора Алексеевича был сожжен протопп Аввакум, о котором поэт Н. Клюев скажет «Сгорел в метельном Пустозерске... мой прадед

¹ Воспоминания являются откликом на статьи А. С. Герда «Ларинская лексикографическая школа Петербургского университета» и В. П. Фелицыной «Вспоминная ДРС...»; опубликованы в сб. «Русская историческая лексикология и лексикография» (вып. 7. 2008).

Аввакум» («Где рай финифтяный и Сирин Поет на ветке расписной...». Песнослов).

Однако в 1951 году Пустозерск составляло небольшое количество домов. Борис Александрович распределил нас по этим немногим избам вести беседы, собирать диалектные слова. Мне было назначено вести работу в доме, где жил Филипп Федорович Ноготысый, ненец-оленевод с женой-коми, разговор же шел по-русски. Филипп Федорович был почтенных лет, свой возраст он исчислял по количеству царей. «Жил я, — говорил мой информатор, — при царе Александре III, при царе Николае II, а теперь живу при царе Иосифе». Мудрено было мне постигать смысл его коми-ненокских фраз, переведенных на русский язык. Эти записи стали основным материалом моей курсовой работы.

Память об «огнепальном Аввакуме» в Пустозерске, как оказалось, сохранилась. Подросток лет двенадцати-четырнадцати проводил нас на старое городище и указал на небольшой могильный холмик, где был сожжен опальный протопоп. Мальчик добавил, что Аввакум, охваченный огнем, до последнего момента, сгорая, держал вытянутую вверх правую руку с двуперстным знамением.

Дорóгой Б. А. беседовал с нашим проводником. В этот момент мимо нас довольно низко пролетела какая-то птица. «Это чирок», — сказал наш проводник. Б. А. как-то настойчиво переспросил: «Чирок или *чирек*?» Название с уточненным вариантом произношения нашло отражение в словарных записях Р. Джемса, прокомментированных и реконструированных в изданном в «Русско-английском словаре-дневнике Р. Джемса (1616–1619)» в 1959 году. Это свидетельство того, что, путешествуя по Северу и наблюдая речевые особенности, Б. А. уже вынашивал планы будущих трудов. Тогда же он сочинил о себе шутовую песенку, где, как говорится, «шутка шуткой, а смех на сторону». Вот некоторые куплеты этой песенки на мотив известного «Сурка»:

Напрасно спорить стали б вы,
Что я лингвист по духу,
Диалектолог из любви
И фонетист по слуху:

Хожу с мешком, с сухим пайком
И мой блокнот со мною,
И мой всегда, и мой везде,
И мой блокнот со мною.

Уж нет моих учителей,
Друзей уж многих нету,
И Ваньки Терина дряхлей
Те, кто не канул в Лету.

Пройдет еще лет пятьдесят,
А мой блокнот со мною.
Уж внуки свой поход трубят,
Страна стала иною.

Сижу, лежу, уж не хожу,
А мой блокнот со мною.
Последний мой блокнот всегда
Останется со мною.

Собранный тогда мною материал был обработан и представлен в качестве курсовой работы под названием «Об отражении и следствиях двуязычия в печорских говорах». Когда по возвращении из экспедиции началась работа, Б. А. предложил мне прежде всего познакомиться со статьей Л. В. Щербы «К вопросу о смещении языков». Статья была напечатана по-французски, перевода на русский тогда не было. Б. А. достал небольшую в мягкой обложке книжицу из своей библиотеки и предложил ознакомиться прежде всего с этой небольшой работой. Но использовать термин Л. В. Щербы «смещение языков» в тот год было невозможно, так как вышла статья корифея всех наук об ошибочности марровской науки, и марровская терминология изымалась из обращения.

Прошло еще несколько лет. Я трудилась в Институте языкознания, но при малейшей возможности старалась бывать в МСК. На занятиях обсуждались проблемы, связанные с созданием картотек лексики, собранной во время регулярных полевых экспедиций на Псковщину, по Печоре, по Северной Двине и т. д. После возвращения из Литвы, после снятия опалы, Б. А. — вновь в университете, у него огромная нагрузка, связанная с работой декана, с развертыванием работ организационного характера, но занятия в МСК идут полным ходом. На этих занятиях — ученики Б. А., от студентов до аспирантов, преподавателей. Часто можно было встретить проф. Б. Л. Богородского, пожизненного ученика Б. А.

Вспоминаю одно из таких занятий. Б. А. вошел, достал из портфеля тоненькую папку и положил прямо передо мной, а затем поспешил начать занятие. Папка казалась мне знакомой. Раскрыв ее, я увидела, что это моя курсовая работа, написанная по материалам, собранным мною в 1951 году в Пустозерске. В тот год Б. А. был посреди учебного года направлен в Вильнюс, а чтобы курсовая работа была признана выполненной, требовалась разрешительная подпись руководителя. Б. А. находился в Вильнюсе в больнице после наезда на него мотоциклиста, когда Б. А. с женой переходил дорогу. Собрал несколько курсовых, написанных под руководством Б. А., я повезла их в Вильнюс. Сначала я отправилась по домашнему адресу, чтобы узнать, каким образом передать курсовые работы Б. А., но оказалось, что Б. А. был выписан из больницы в этот день.

На другой день я получила прочитанные и завизированные курсовые. С тех пор прошло немало лет, формально я была бывшей студенткой, работала по специальности, но не в университете. Возможно, я бы не вспомнила об этой курсовой, не сохранила бы ее, как не сохранила прежние литературоведческие курсовые первых трех курсов. Эта курсовая работа была опубликована после прочтения на Псковской диалектологической конференции 1964 года в сборнике «Псковские говоры-II» (Псков, 1968), с посвящением «Памяти Б. А. Ларина»². В этой статье есть ссылка на статью Б. А. «Материалы по литовской диалектологии», в которой Б. А. предлагает различать разные стадии усвоения разноязычных фонетических систем в условиях бытового билингвизма: стадии *активного* и *пассивного* смещения. Такой метод анализа произносительных норм разноязычных фонетических систем является, в сущности, универсальным при исследовании явлений билингвизма.

Б. А. не раз возвращался к мысли заняться составлением Словаря Припечорья. Нам было известно, что главную надежду на исполнение этого многотрудного замысла Б. А. возлагал на одну из участниц похода на Пустозерск — Люсю Ивашко. И тут поражаешься пронизательности учителя. Тогда в кабинете русского языка трудилась лаборантка, старинный друг семьи Лариных, Елизавета Константиновна Писаренко — представительница старой интеллигенции. Елизавета Константиновна рассказала мне, что Б. А. рассказывал ей об этой экспедиции, причем особенно отметил Люсю Ивашко, называя ее «героической девушкой»³.

Б. А. принадлежит идея создания Словаря Припечорья⁴. Он нашел и кандидатуру, способную осуществить этот замысел. Людмила Александровна Ивашко не только была участницей и бессменной руководительницей сбора материалов для картотеки Словаря русских говоров Низовой Печоры, но и бессменным руководителем и составителем Словаря русских говоров Низовой Печоры. Словарь в двух томах опубликован в 2003–2005 годах. Это непрерывная

² Ларин Б. А. Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л., 1926. С. 103.

³ Насчет «героической девушки». В конце печорской экспедиции заболела дизентерией Тереза Браже, ее положили в больницу в Нарьян-Маре. Нужно было кому-то остаться с ней и привезти в Ленинград. Я осталась. — *Примеч. Л. А. Ивашко.*

⁴ Составлять Словарь печорских говоров предложила я, и Б. А. Ларин меня горячо поддержал. Также поддержал он замысел выпустить сборник «Печорские говоры». Я стала собирать статьи. После кончины Б. А. эти статьи вошли в 1-й выпуск сборника «Севернорусские говоры». — *Примеч. Л. А. Ивашко.*

работа, которая велась Людмилой Александровной параллельно с преподавательской штатной нагрузкой, работой над докторской диссертацией (успешно завершённой), не прерывавшаяся в губительные для энтузиазма 1990-е годы — это все иначе как героизмом не назовешь.

Другой пример проницательности Б. А. Я уже говорила выше, что в МСК на занятия Б. А. собирались не только студенты, аспиранты, кандидаты, иногда и профессора, как, например, Борис Леонидович Богородский. Вспоминаю и то ли еще студента, то ли уже аспиранта Сашу Герда во время горячего обсуждения какой-то идеи на семинаре. Боже мой! Прошло более полувека! Но память сохранила отчетливо этот эпизод. Саша Герд внес какое-то свое соображение по поводу ларинской идеи, на что Б. А. горячо возразил: «*Вот когда у вас будет своя лаборатория, там вы и осуществите свое пожелание*». Я хорошо помню это выражение: «свая лаборатория». Тогда лаборатории в гуманитарных науках еще не носили такого технического названия в таком распространенном ныне значении. Помнит ли профессор Александр Сергеевич Герд этот эпизод?

Время летних отпусков мы семьей проводили на Псковщине. Так было и в 1962 году. Мы остановились в деревне Мясово в 36 домов, составляющих единственную улицу, километрах в сорока между Мясовским озером и рекой Алолью (правый приток реки Великой). Деревня Мясово Пустошкинского района Псковской области по дореволюционному административному делению принадлежала Себежскому уезду Витебской губернии, находясь на самой границе Псковских земель. Жители Мясова сохранили память об этом делении, что отразилось и на составе мясовской лексики, отдельные элементы которой свидетельствуют о литовско-латышском воздействии на диалект. Например, *шакала* ‘щепка, лучина’, согласно словарю М. Фасмера, заимствование из литовского.

В это лето я, как всегда, делала записи бесед, помня, что в МСК шло полным ходом создание картотеки. Собрав свои записи и расписав материал на карточки, я отправилась в МСК. Там былолюдно, видимо, только что закончились занятия, которые проводил Б. А., потому что он спешил уйти. Ему пришлось идти мимо меня, я стояла у дверей, держа в руках мои летние записи. Я поспешила объяснить свое появление, протянула стопку карточек из деревни Мясово, верхней оказалась карточка со словом *удра́* ‘выдра’. Взглянув только лишь на эту запись, Б. А. сказал: «Напишите об этом слове статью и отнесите ее в издательство университета завтра,

не позже 11 часов, потому что сборник в 12 часов должен быть в типографии». Нужные словари, слава богу, находились у меня под рукой. Отобрав из собранного материала несколько слов, либо вовсе не зафиксированных Далем и некоторыми областными словарями, либо имеющих в говоре своеобразное значение, а в отдельных случаях сохранивших, по выражению З. И. Чернышева, «свежесть первобытного языка», я обратилась к *ўдре*. Тут выяснилось, что форма *удра́* говорам неизвестна, только *ўдра*, известная латышскому, литовскому, эстонскому языкам, известная русскому языку как *вьдра* (согласно фонетическим требованиям), а вот *удра́* в Мясове звучит так же, как в древнеиндийском! В результате, когда наступил сентябрь, я обратилась с просьбой к В. И. Кальянову разрешить мне посещать его занятия со студентами 1-го курса, изучавшими санскрит. В. И. разрешил и строго требовал наряду с первокурсниками выполнения всех упражнений.

На втором (или третьем?) курсе я посещала семинар Б. А. по изучению языка художественных произведений, главным образом языка драматургии. В обязательном порядке мы должны были ознакомиться с классическим трудом К. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», для доклада выбрать любую пьесу, и из числа участников семинара назначался обязательный оппонент, а далее — обсуждение доклада. До сих пор помню эти занятия и мой доклад о пьесе А. Глобы «Пушкин». Семинар посещали не только мои однокурсники — И. Городецкая, Марина Розе, Леня Емельянов, но и студенты других курсов — Алла Невжинская и др., также преподаватели чешского языка чехи Ярослав Моравец и Владимир Барнет, которые были также участниками диалектологических экспедиций по Русскому Северу. Володя Барнет впоследствии — профессор, доктор филологических наук в Чехословакии.

Помню, что на этих занятиях были широко использованы термины «широкий контекст», «подтекст», словом, учитывалась игра смыслов в тексте. Этот метод широкого контекста, подтекста Б. А. применял при анализе художественных текстов, именуя его различными определениями, например, «скрытый, утаенный второй смысловой план», «слова с осязательной экспрессивностью, выводящей их из сферы нейтрального словаря»⁵. При анализе текстов метод широкого контекста весьма доказателен и неоспорим. Так, при анализе лермонтовского «Паруса» на фоне широкого контекста очевидно,

⁵ Ларин Б. А. Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию / Сост. И. С. Лутовинова и др. Самарканд, 1987. С. 71.

что под парусом разумеется *судно* на ходу в море, а не полотнище, прикрепленное к мачте⁶. Не учитывая этого, исследователь впадает в некритическое восприятие художественного текста, что и отразилось в толковании слова *парус* не как судна, вопреки лермонтовскому употреблению. Писатель Федор Абрамов, читавший лекции по русской литературе, работавший на кафедре русской литературы, оставил в дневнике запись: «Как прекрасен Ларин! Человек редкой души и благородства... мудрый и прозорливый в человеческих делах... В нем есть удаль и озорство Васьки Буслаева, язвительность и неукротимость огнепального Аввакума... кипучая энергия и любовь к устройению русской жизни и выращиванию молодых Петра I...»⁷

Когда во время похода в Пустозерск мы услышали бодрую песенку на мотив «Сурка», у меня сложился ответный куплет, который я не смела огласить и потому, что не умела их сочинять (у нас по этой части была прима — Люся Ивашко), и потому, что я стеснялась нарочитой пафосности, и по многим еще, как теперь говорят, по многим составляющим, но эти вирши сохранились в памяти, и я здесь их приведу. Вот они:

Прославят внуки наш поход
И твой блокнот с тобою,
И будут вновь из года в год
Бродяжничать с сумою...

Как заметила Анна Ахматова: «Что в стихах, то сбывается».

В Пскове каждый год 26 марта отмечается День памяти Бориса Александровича. Не помню, сколько лет назад в этот день я была во Пскове. Кроме студентов и преподавателей, были выпускники, а одна выпускница (Ю. Гарник) приехала со своими школьными учениками... Я разговорилась с одной студенткой, речь шла о Б. А., и вдруг собеседница спросила меня с изумлением: «Вы видели ЖИВОГО Ларина?»

И я в полной мере ощутила, что Ларин стал легендой, харизматической личностью. Он обладал оригинальностью замыслов, его методики носили новаторский характер, и он твердо отстаивал свои научные позиции в те дни, когда «всё коснело на Руси... раболепствуя покорно».

⁶ См. «Белеет парус одинокий» в книге «Русская историческая лексикология и лексикография» (Вып. 6. СПб., 2005).

⁷ Абрамов Ф. Из дневников, записных книжек / Сост. Л. Крутикова // Нева. 1995. № 7.